

А. Ю. Мокров

Использование темы Великой Отечественной Войны в символической политике современной России

Мемориальный бум последней трети XX в., отмечаемый в странах Европы и Северной Америки, повлек за собой становление специфического поля «публичной истории», как способа социальной актуализации исторических знаний и формирования соответствующего междисциплинарного научного направления «исследования памяти». Дискуссии о прошлом начали приобретать повышенную политическую значимость, однако причины этого разнятся от одной страны к другой.

Прошлое превращается в ресурс, интересный и для творческо-интеллектуальной рефлексии, и для извлечения экономического дохода (от исторического туризма до обоснования прав на реституцию собственности), и для организации досуга (движение реконструкции, исторические фильмы, косплей и пр.), и для подкрепления политических притязаний [1].

По мнению некоторых исследователей, миф о войне еще в советское время – при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе – стал «затмевать» собой Октябрьскую революцию, приобретая функции мифа основания. Подтверждение этой гипотезы требует специального исследования, однако не вызывает сомнений, что Великая Отечественная война превратилась в ключевое звено официального нарратива, придавая определенность его главной сюжетной линии: советский строй, рождавшийся в ходе Октябрьской революции, Гражданской войны, нэпа, индустриализации, коллективизации и борьбы с «классовыми врагами», доказал свою силу, обеспечив Победу над фашизмом.

Есть четыре темы, которые неизменно находят отражение в официальных речах по случаю Дня Победы: это дань памяти жертв войны и пережитых страданий, благодарность ветеранам, нередко подкрепляемая заявлениями о мерах материальной поддержки, рассуждения о преемственности поколений и констатация политических уроков войны. Все эти фреймы с

некоторыми вариациями продолжают традиции выступлений советского руководства. В.В. Путин продолжил ельцинскую тему Дня Победы как праздника национального единства, спланивающего россиян независимо от поколенческих и идеологических различий [2].

Освобожденная от бремени коммунистического наследия и представленная под сугубо «человеческим» углом, память о войне становилась ценнейшим материалом для конструирования национальной идентичности в новых геополитических границах, но на основе «тысячелетней» преемственности.

Победа в Великой Отечественной войне была центральным элементом обеих версий постсоветского нарратива. Однако в официальном дискурсе 1990-х гг. в противоположность советскому канону она интерпретировалась как подвиг народа, победившего не благодаря, а вопреки «партии и государству»; война представлялась не только как героический подвиг, но и как коллективная травма. В дискурсе же 2000-х гг. тема войны как травмы оказалась практически забытой, и на первый план вышли «плоды» победы – гордость деяниями предков, защитивших Родину, освободивших миллионы людей от нацистской оккупации, завоевавших стране статус мировой супердержавы [3].

То, что именно великая Победа стала главной опорой политики памяти, нацеленной на формирование новой российской идентичности, вполне закономерно. Это чуть ли не единственное событие российской истории, которое отвечает всем критериям «политической пригодности»: оно актуализировано в массовом сознании, поскольку опирается на солидную инфраструктуру памяти, созданную главным образом в 1970–1980-х гг., и пока еще живую память старшего поколения; имеет широкий спектр символических значений для характеристики «нас» (причем позитивной) и не является предметом противоположных оценок, конкуренция которых воспринимается по принципу игры с нулевой суммой. Вместе с тем, в силу скудости «актуализированных» символических ресурсов, миф о великой Победе за последние 15 лет стал буквально нашим всем; он приобрел множество новых

смысловых значений и символизирует едва ли не все аспекты современной российской идентичности.

Таким образом, символическая политика в современном российском обществе оказывается сведена лишь к одной, пусть даже значимой, своей части, а именно к политике памяти. Но способы реализации этой политики, а также специфическая конфигурация политических акторов, препятствующая выработке общественных договоренностей относительно ключевых символов, способствуют формированию новых факторов риска, последствия которых будут особенно остро ощущаться в российском обществе уже в ближайшие годы.

Библиографический список

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019.
2. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
3. Малинова О. Память о войне: как великая Победа стала «нашим всем» и чем это грозит [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/06/05/2016/572b1b209a794723991b17bb>.

Е.К. Саратовская

Общероссийский Народный Фронт как новый субъект политического процесса

В современных обществах все чаще возникают различные формы социального протеста, гражданских инициатив, организаций и движений. Особое значение приобретают гибкие социальные структуры, объединения индивидов, которые быстро адаптируются к изменяющейся окружающей среде. Общественные движения играют важную роль в современной жизни и являются не только продуктом, но составной частью процесса глобализации [1]. Общественно-политические движения, в отличие от политических партий, более динамично